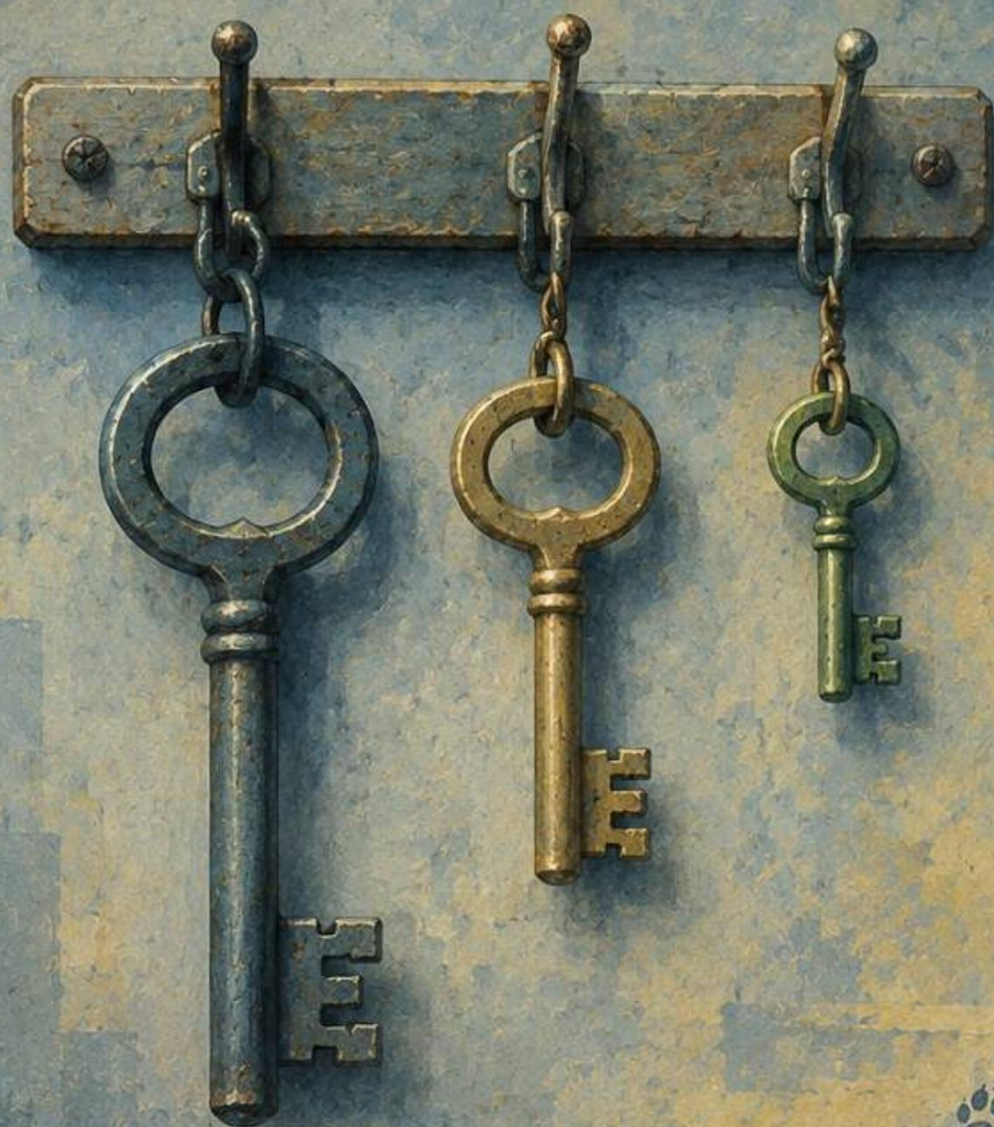

СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ

Назови меня первой

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев

Назови меня первой

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Назови меня первой / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Город Равень просыпается снизу вверх, и свет доходит до каждого окна по очереди. Девочка Тея всю жизнь считает, до кого доходит первым, а до кого — под конец, и больше всего боится оказаться не первой: тогда, кажется, тебя будто и нет. Ревность толкает её подделывать порядок, чтобы её всегда звали раньше других, — и едва не рушит город. Элиан помогает Тее прожить самое трудное: быть второй — и не пропасть. Пятая повесть — про ревность и про то, что твоё место есть, даже когда оно не первое.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Денис Пожидаев

Назови меня первой

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

НАЗОВИ МЕНЯ ПЕРВОЙ

Повесть пятая

Глава 1. Третий ответ

Равень просыпался снизу вверх. Сначала занимались нижние террасы, потом свет боком полз по известняку к верхним, и до окна Теи он добирался последним. Тея это замечала. Тея вообще замечала, что до кого доходит первым, а до кого — под конец.

На стене у двери висел крючок с тремя ключами: большой — Лавры, средний — Теин, маленький — Мио. И всякое утро Тея, сама того не замечая, считала, какой снимут первым.

Сегодня, как почти всегда, первым сняли маленький.

Лавра уже застёгивала рабочий браслет диспетчера — ей на смену, держать Третью Сигнальную линию, ту, по которой весь квартал зовёт на помощь. А Тея ждала другого. Ещё до света она отправила Рену сообщение — про испытание рамки, про то, что встретятся у Р-3, как всегда, первыми, вдвоём. Рабочий сигнал по линии уже прошёл, она слышала. От Рена не было ничего.

— Тея, — позвал Мио от лестницы. Он стоял, вцепившись в перила, и не решался ступить. — Проводишь? Платформа гудит.

У Мио было плохо с равновесием — движущиеся платформы его пугали по-настоящему, он и вправду мог упасть. Это была настоящая нужда, не каприз.

Тут по браслету Лавры звякнул сигнал — короткий, для Мио: его время идти, его смена сопровождения.

— Ты ведь справишься? — сказала Лавра, уже в дверях. — Проводи брата. Я вернусь к твоему после сигнала.

К твоему. К тому, о чём Тея и заикнуться не успела, — что ей сегодня к рамке, что она ждёт Рена, что ей важно. «После сигнала» — то есть неизвестно когда.

— Справляюсь, — сказала Тея. Быстро, чтоб не прозвучало просьбой. Рука её задержалась на среднем ключе, на своём, — и она сняла его резче, чем надо.

— Идём, — сказала она брату, и вышло суше, чем он заслужил.

Она свела Мио по гудящей платформе — крепко, бережно, как всегда. И всё это время в голове у неё сам собой шёл счёт: маленький ключ — первым. Сигнал Мио — первым. К её делу — «после». Она знала, что счёт несправедливый: Мио вправду боялся, платформа вправду гудела, помощь вправду нужна была ему сейчас. Порядок был верный. И всё равно он складывался в неё колючим — опять не первая, опять резерв, опять потом.

Она довела брата и уже поворачивала к школьному двору, когда снизу, с рабочей стороны, донёсся звук, от которого у неё ёкнуло: рабочий колокол Р-3. Глухой двойной удар — сигнал начала.

Испытание начали. Без неё.

Тея побежала.

Школьный рабочий двор был чашей — покатые каменные скамьи по краю, а посередине стояли учебные рамки, старые противовесные конструкции, на которых дети учились держать равновесие тяги.

Р-3 была их с Реном. Столько лет — их. Тея знала на ней каждое плечо, каждый скрип. Она вбежала — и остановилась за краем чаши.

У рамки уже работали. Рен держал центральную тягу — своё привычное место. А с внешней стороны, там, где всегда стояла Тея, стояла Сола.

Сола — новенькая, пыльно-зелёный платок, спокойные руки — удерживала внешний контур. Ровно. Умело. На Теином плече.

И на рамке была новая деталь, которой вчера не было: подвижная дуга, третий канал, что сводил три тяги вместо двух.

— Рамке нужен третий канал, — сказала Нема, учительница, не отрываясь от сигнальной пластины. — Двумя её больше не удержать, старая стала. Нужны трое.

Рен поднял глаза, увидел Тею — и по лицу его прошло виноватое.

— Тея. Я думал, успею объяснить до проверки. Честно. Не успел.

— Сола на одну проверку, — прибавил он быстро. — Просто помочь с третьим каналом.

— На одну? — Сола подняла голову, удивлённая. — Мне сказали, я в проекте. В общем, на троих. Разве нет?

Рен замялся. И в этой заминке, в щёлке между «на одну проверку» и «в проекте на троих», Тея впервые почувствовала, что две правды не сходятся — и что Рен говорит каждой своё.

Испытание начали без неё. Сола стоит на её плече. Вывод сложился сам — острый, готовый: Сола заняла её место. Нарочно. Тея не стала себя спрашивать, правда ли это. Просто было рабочее время, просто Рен позвал, просто рамке нужен третий — а из этого порядка у неё уже вышло обвинение.

— Вставай сюда, — сказала вдруг Сола и подвинулась, освобождая внешний контур. — На своё. Первое плечо твоё, я знаю, ты его держишь лучше.

Она сказала это просто, без борьбы, будто место Теи и не оспаривалось, будто и спорить не о чем. И это на миг обезоружило Тею: она готовилась воевать за плечо — а плечо ей отдали сами, легко.

Тея встала на своё место. Но заняла его быстрее обычного, вцепилась крепче, чем надо, — будто место можно закрепить за собой скоростью и хваткой.

Трое распределили роли.

Рен — центральная тяга. Тея — слушать порядок, ловить, какое плечо отзовется и когда. Сола — освобождать внешний ход, вовремя отпустить.

Тея приложила ладонь к рамке — и сделала то, что умела одна во всём дворе. Она слушала очередь отзвука: в каком порядке старое дерево и медь помнят, кого звали, к кому поворачивались, чья рука ложилась раньше. Рамка отзывалась ей слоями, эхо на эхо.

Нема дала сигнал. Рамка пошла в цикл.

И первым отозвался канал Сола. Её третья дуга поймала тягу раньше всех — на один удар сердца, но раньше.

У Теи свело челюсть. Первой — Сола. Не она. Рука её дёрнулась было прочь с плеча: брось, раз не первая, зачем держать...

Но под ладонью, глубже свежего Солиного отклика, Тея чувствовала другое — свой собственный след. Старый, тёплый, самый давний из всех. Она держала это плечо годами; её эхо лежало в рамке глубже и раньше любого. Первым сейчас пришёл не самый давний. Первым пришёл самый быстрый.

И это не сходилось. То, что Сола отозвалась раньше, и то, что рука Теи знала рамку дольше всех, — были две разные вещи, а не одна.

Тея вернула руку на плечо. Стиснула зубы и довела цикл до конца: сними она сейчас — внешний контур сорвётся, рамка полетит, и виновата будет она. Ревность ревностью, а рамку она ронять не станет.

— Первым пришёл её канал, — сказала Нема, глядя на пластину. — Это не значит ничего, кроме порядка этого цикла. Первый — не главный. Первый — просто первый по времени. Запомните все трое.

А под жёсткой скобой Тея заметила ещё одно: дуговой износ, потёртость дугой, будто скоба когда-то ходила туда-сюда, а теперь застыла намертво. Мелочь. Но Тея отложила её в память — она всё откладывала в память.

Рамка приняла три ответа — и вдруг пошла ровно, чисто, легко, как не ходила за все годы их с Реном починок. Три тяги держали её лучше, чем две. Рен в центре засмеялся от чистой радости — оттого, что втроём вышло.

И Тея, держа своё плечо, на один короткий миг тоже это почувствовала: что втроём — хорошо. Что рамке нужны три. Что это не отняло у неё места, а дало рамке устойчивость.

А потом миг прошёл, и вернулось прежнее: первой была не она.

В узком проходе между двором и мастерскими шаги троих отдавались эхом, и Тея считала даже их — чьи впереди, чьи сзади.

Она хотела спросить Рена про приглашение. Прямо. Но прямо не вышло — вышло обходно.

— А ты когда узнал, что нужен третий? — спросила она, будто про рамку, про технику. — Давно?

— Да не помню, — сказал Рен. — На днях.

— Ты мне вчера написал, — сказала Сола просто, без умысла. — Вечером. Что берёшь меня на Р-3.

Вчера вечером. Значит, Рену либо сказали, либо он сам решил ещё вчера. И первой написал Соле. А Тея всё утро ждала ответа на своё, посланное до света.

Из мастерской выглянула Эви, сестра Рена.

— А, вы про рамку, — сказала она. — Так Рен ещё позавчера с Солой это обсуждал, я слышала. Долго обсуждали.

Позавчера. Ещё раньше.

— Это техническая мелочь, — сказал Рен, и голос у него чуть напрягся. — Кому первым написал, кто раньше обсудил — какая разница. Рабочая ерунда.

Для него — ерунда. Для Теи из этой ерунды складывался порядок: Соле — позавчера, Соле — вчера, Соле — первой. А ей — молчание до утра и «на одну проверку».

Первым написал Соле. Тея взяла это как доказательство: раз Соле первой — значит, Сола у него первая. Хотя доказывало это одно-единственное — порядок одного сообщения об одном рабочем деле. Не любовь. Не место. Порядок. Но Тея уже не различала.

Она могла спросить прямо. То, что вправду хотела: Рен, я всё ещё твоя первая? Ты выбрал её вместо меня? Слова стояли у самого горла.

Вместо этого она спросила о другом:

— Изменилось что-нибудь? — Обходно. Про проект, не про них. — Между... ну, вообще. Изменилось?

Рен посмотрел на неё — и не понял вопроса. Или не захотел понять.

— Нет, — сказал он. — Ничего такого не изменилось.

«Ничего такого». Он ответил про проект. Она спрашивала про них. И оба сделали вид, что это один вопрос.

Тея кивнула. И решила про себя: больше она спрашивать не будет. Словами — не будет. Слова врут, слова уклоняются, слова говорят «ничего такого». А порядок не врёт. Порядок она умеет слышать сама. И если Рен не скажет правды словами — она вычитает её из очереди: из того, кого он зовёт первым, кому пишет первым, к кому поворачивается первым.

Она ещё не знала, что как раз этим и начнёт ломать всё, что хотела спасти.

Глава 2. Раньше неё

Дома была доска просьб — общая, дощатая, у крючка с ключами. На ней писали, кто что просит и кому что нужно; сделанное стирали, к отложенному возвращались.

Тея нашла на доске свои строки. Три. «Тея — поговорить». «Тея — посмотреть чертёж вместе». «Тея — про рамку». Все без отметки возврата. Мамины сделанные дела были помечены галочкой, Миовы — почти все. Теины висели как были: записаны и не тронуты.

Лавра вернулась со смены позже, чем обещала, — «после сигнала» растянулось на полдня.

— Ну, что у тебя было? — спросила она, и Тея услышала в этом усталое, доброе, честное желание. Мама правда хотела спросить.

— Про рамку, — начала Тея. — Понимаешь, там теперь...

По браслету звякнуло. Рабочий сигнал по линии — настоящий, не отложишь: где-то на квартале кому-то нужна была помощь, и Лавра держала эту линию.

— Секунду, — сказала Лавра и отвернулась к браслету.

Секунда растянулась.

Мио, сидевший рядом, тихо сказал:

— Тея, хочешь, я скажу маме, что мне сегодня не надо помогать? Чтоб она с тобой... Я могу сам, я потренируюсь.

Он смотрел виновато — как смотрит тот, кто начал считать себя причиной.

— Не надо, — отрезала Тея. Резче, чем он заслужил. — Тебе надо помогать. Ты падаешь. При чём тут ты.

Она не смотрела на брата после этих слов. Ей было стыдно — и оттого ещё злее.

Лавра договорила по линии, обернулась — и не к чертежу, а уже к другому:

— Тея, у Мио вечером платформа, проводишь? Ты же справишься. Ты у меня всегда справляешься.

«Ты же справишься». Это была похвала. Мама хвалила — надёжная, взрослая, не то что маленький Мио. И ранило это именно тем, что было похвалой, и тем, что было привычным: справишься — значит, тебя можно не спрашивать; выдержишь — значит, можно отложить.

Вечером собирались. Мио потянулся к крючку и снял свой ключ. Потом Лавра — свой. Тея сняла свой вторым, пока мама возилась с браслетом. Вторым.

И Тея поймала себя на том, что запомнила это. Что отметила: сегодня — вторым. Что сложила в тот же счёт, в ту же копилку доказательств. Крючок был просто крючок, ключи — просто ключи, порядок — просто кто когда собрался. А она уже читала в нём приговор.

Старая смотровая площадка висела над мастерскими — узкий каменный выступ, канаты внизу, ветер в незакрытом промежутке перил. Сюда они с Реном приходили с малолетства. Это было их место.

Тея пришла за подтверждением. Ей нужно было услышать: рамка по-прежнему их, всё как было, ничего не меняется.

— Помнишь, — начала она, держась за перила двумя руками, хотя площадка стояла твёрдо, — ты сказал тогда: «Оставь это между нами». Про рамку. Помнишь?

— Помню, — сказал Рен.

— Вот. Между нами. Значит, она наша. Только наша.

Рен нахмурился — не зло, а вспоминая точно.

— Тея. Я тогда про что говорил-то. Рамка была недочиненная, а её хотели забрать на соревнование, показать другим классам. И я сказал: не отдадим недоделку на соревнование, откроем сами, вместе, когда доведём. И если что поменяется — скажем друг другу. Вот про что был уговор. Про рамку. Про эту работу.

Три вещи, оказывается, а не одна: не отдавать незавершённую рамку на соревнование; открыть вместе; сообщать, если что меняется. Точный, узкий, конкретный уговор.

А Тея все эти годы носила в себе другое, широкое: «между нами» значило — навсегда, только двое, никого больше, ничего не меняется. Она растянула три технических пункта на целую вечную клятву исключительности. И жила по этой клятве, которой Рен не давал.

— Но про Солу я должен был сказать, — прибавил Рен честно. — Это да. Тут я виноват. Уговор был — сообщать, если меняется. Поменялось, а я не сказал заранее. Прости. Вот это моё.

Он признал ровно свою настоящую ошибку — не больше и не меньше.

— Я обещал сказать, если что-то изменится, — сказал он. — Я не обещал, что ничего никогда не изменится. Это разные вещи, Тея.

Тея слышала только вторую половину. «Ничего никогда не изменится» — вот чего она хотела, и вот чего ей не дали. Она отпустила одну руку с перил, сама не заметив, будто равновесие вдруг стало ненадёжным. Он извинился за настоящее, конкретное. А она услышала, что вечной гарантии нет. И из «нет гарантии» у неё вышло «меня разлюбили».

— Завтра снова работаем, — сказал Рен, вставая. — Я опять позову Солу. Рамке нужны трое, ты же видела. Ты приходи, ладно? Приходи.

Он звал её. По-настоящему, тепло. Но Тея услышала другое: снова Сола. Завтра — снова Сола. И «приходи», сказанное ей, прозвучало как «приходи тоже» — как второе приглашение к тому, что раньше было только их.

На улице, там, где два маршрута сходились у сигнального столба, Тея сделала то, чего раньше себе не позволяла.

Она не спросит Рена. Словами — нет, решено. Она проверит.

В Равени это умели и взрослые, и дети — Проверку. Тихую, закрытую карточку, которую не показывают тому, кого проверяют. Ставишь человека в положение, где он выбирает, сам того не зная, — и читаешь по выбору. Город делал вид, что это игра. На деле это был суд, о котором подсудимый не знал.

Тея отправила Рену рабочий сигнал — обычный вопрос про завтрашнюю деталь. И почти в тот же миг, она знала, Сола пошлёт своё: у Сола был свой вопрос, про незакрытую подвижную дугу, срочный, рабочий.

Два сигнала, почти разом. К одному Рену. Кому он ответит первым?

«Он не знает, что выбирает», — думала Тея, и это должно было бы её остановить, а вместо этого успокаивало: он не подготовится, не схитрит, ответит честно, по-настоящему. Она не сказала себе, что ставит другу ловушку. Она сказала себе, что узнаёт правду.

Она считала удары пальцем по краю передатчика. Между первым ответом и вторым перестала дышать.

Первым пришёл ответ Соле.

Потому что вопрос Сола был про подвижную дугу — про ту деталь, что могла сорваться, если её не закрыть к утру; вопрос срочный, требующий немедленного. А Теин вопрос был спокойный, на завтра, терпел. Рен ответил по делу: сначала на срочное, потом на несрочное. Любой мастер ответил бы так. Порядок задавало содержание сообщений, а не сердце.

Но Тея услышала только очередь. Соле — первой. Своим даром, точным и честным, она услышала правду про порядок — и тут же приписала ей то, чего дар не знал: будто первый ответ значит первое место в сердце. Дар показывал, кому раньше. Тея прочла — кого больше. И записала себе: проверка пройдена, доказано, Сола у него первая.

Она не сказала Рену, что это была проверка. Не сказала, что он только что «провалил» испытание, о котором не подозревал. Спрятала закрытую карточку — и унесла с собой приговор, который вынесла другу втайне от него. А Солу, которая тоже ни о чём не знала, с этой минуты сделала соперницей — молча, у сигнального столба, одна.

У Сола дом был не свой. Её растила Кера — опекун, не мать; приёмный двор, временный ключ, комната с пустой полкой, которую ещё не разрешили занять.

— Не распаковывай пока новые вещи, — сказала Кера вечером, не зло, буднично. — Мало ли. Пока не ясно, надолго ли ты тут осядешь. Обживёшься — тогда.

«Пока не ясно, надолго ли». Сола слышала это не впервые — и не только про полку. Так было со всем в её жизни: сначала докажи, что останешься, потом обживайся. Место дают на срок. Вещи держи в сумке.

Пришла схема от Рена — на завтра, по рамке. Сола развернула её и первый раз за вечер расправила плечи: над чертежом ей было хорошо, тут она знала, что делает, тут была не временной.

Схема называлась «общая». Проект на троих. Чёрным по белому — общий.

И это не сходилось с тем, что она чувствовала весь день. Общий проект — а допуск у неё временный, со сроком. Общий — а Рен говорит про неё как-то уклончиво.

Она послала Рену вопрос. Один, осторожный, чтоб не показаться требовательной, — этого Сола боялась больше всего, показаться той, что лезет, занимает чужое, просит слишком много.

«А Тея знает, что я в проекте? По-настоящему в проекте, не просто помочь?»

Рен ответил: «Она знает, что ты помогаешь».

Сола перечитала дважды. «Что ты помогаешь». Не «что ты в проекте». Не «что вас теперь трое». Помогает. Гостя, подручная, на подхвате. Та, кого позвали пособить и отпустят, когда не нужна.

И Сола сделала свой тихий вывод — не такой, как Тея, а свой: чтобы не потерять и это место, надо занимать поменьше. Не спрашивать. Не настаивать. Быть удобной. Развернуть только то, что позволено, а остальное держать в сумке. Тогда, может, оставят.

Она не знала, что Тея в этот самый час считает её соперницей. Она вообще ни с кем не боролась. Она просто хотела, чтоб у неё было место, которое не отберут.

Сола не стала распаковывать сумку. Оставила её закрытой, как велела Кера. А сверху положила схему Р-3 — единственную вещь, которую пока имела право развернуть. Единственное, что было при ней не на срок.

Завтра она придёт. И докажет, что третий канал нужен, — делом, руками, так, чтоб от неё нельзя было отказаться. Не первой хотела быть Сола. Просто — не лишней.

Глава 3. Три линии

Вечером на малой учебной платформе случился сбой. Платформа — та, на которой младшие учились держать равновесие, — вдруг получила три несогласованных толчка разом и пошла враскачку. А на ней были дети. Младшие.

— Трое! — крикнула Нема. — Кто у Р-3 работал — сюда, все трое! Помогайте!

Тея рванула первой. Вперёд, как привыкла, — на главное место, откуда командуют.

— Давайте один ведущий канал, — сказал Рен, добежав. — Кто-то один задаёт, остальные за ним.

«Один» — значит, можно быть этим одним. Тея уже открыла рот назвать себя.

— Одним не выйдет, — сказала Сола, разглядев платформу быстрее всех. — Тут три натяжения бьются друг о друга. Один канал их не разведёт. Их надо развести врозь — каждое своё.

Тея приложила руку, послушала — и Сола была права. Три толчка, три разных ритма, наложенных крест-накрест. И Тея увидела, как их разнять.

— Первый толчок — мой, — сказала она. — Наклон — её. Тягу держит Рен.

Она назвала последовательность первой — и на миг ей полегчало: раз она назвала порядок, значит, она главная, а наклон и тяга — так, при ней. Первый назвал — первый и командует. Так ей хотелось.

Её сигнал пошёл первым — и запустил аварийный стопор; платформа дёрнулась, замедлилась. Тея почти выдохнула: сделано, остановила.

Но платформа, замедлившись, начала заваливаться набок — стопор погасил ход, а перекос остался. И тут ответ Сола, поздний, второй, перераспределил наклон — и платформа не опрокинулась. Держись всё на одном первом сигнале Теи, дети бы съехали.

Первый сигнал остановил. Но не спас. Спас второй — вместе с первым.

Платформа висела набок, замерев на середине. Дети ещё не были в безопасности — их надо было ссадить, а для этого удержать перекос ровно, пока Нема сводит их по лестнице.

И тут вышло то, чего Тея прежде не видела.

Никто не командовал. Рен держал соединение — молча, ровно. Тея называла последовательность — какое плечо когда. Сола перераспределяла натяжение — подхватывала, отпускала. Трое рук в неровный, но общий ритм, без главной руки над ними.

В какой-то миг Тея по привычке вскинула руку — закрыть цикл, скомандовать «готово», поставить точку, как ставит главный. Рен, не глядя, сказал:

— Не закрывай цикл. Её ответ ещё идёт.

Её. Солин. Он ещё шёл — поздний, но необходимый. Закрой Тея цикл сейчас, на своём — и Солино движение оборвётся на полпути, и перекос сорвётся.

И Тея удержала руку незакрытой. Замерла с недоговорённым жестом — и подождала, пока Сола доведёт своё. Это было непривычно и почти больно: ждать чужого ответа, не ставя своего последним.

Платформа выровнялась — только после третьего действия, не раньше. Нема свела детей по лестнице, всех, целыми.

И когда всё кончилось, Сола, у которой в руках остался боковой регулятор, протянула его Тее — первой, сразу, не пытаясь придержать у себя, не набивая цену.

— Держи. Он твой, ты им лучше работаешь.

Просто отдала. Тея взяла — и на секунду между ними встало что-то тёплое, рабочее, честное: они только что спасли детей троём, и каждый был нужен, и никто не был лишним.

Во дворе, в сумерках, остывал металл, и дети наперебой благодарили — всех троих.

Нема, отмечая на пластине, назвала вклад каждого:

— Тея слышала порядок толчков. Сола развела натяжение. Рен держал соединение. Три разные вещи, и все три понадобились.

Она назвала их не по местам — не «первая, вторая, третий», — а просто три разных дела, каждое своё. Тея это слышала и почти успокоилась.

А потом Рен повернулся — и первым делом спросил не Тею, а Солу:

— Ты не ушиблась? Ты там боком приложилась, я видел.

Сола вправду ушиблась — во время спасения приложилась боком о регулятор, и на руке у неё темнел свежий след. Рен спросил о настоящем ушибе, о том, что вправду болело. По делу спросил, по заботе.

Но Тея слышала одно: Солу — первой. Спросил Солу раньше, чем меня. И весь общий успех, всё это тёплое «каждый был нужен» схлопнулось в один короткий вопрос, заданный не

ей. Сола ушиблась, у Сола след на руке, спросить её было верно и добро — но Тея уже не видела ушиба. Она видела очередь: Соле — первый вопрос.

Инструмент, что отдала ей Сола, Тея сжала слишком крепко — крепче, чем нужно, хотя Сола давно отпустила его. И Сола это заметила — короткий, внимательный взгляд, — и между девочками, только что работавшими в лад, встала первая обоюдная настороженность.

— Завтра втроём dokonчим рамку? — предложил Рен, светло, ничего не подозревая. — Хорошо же вышло сегодня.

— Я сначала проверю старую регистрацию, — сказала Тея.

Регистрацию. Городские записи первых имён — кто когда кого назвал первым, за все годы. Там, думала она, всё записано. Там порядок не сойдёт. Там она найдёт доказательство — чёрным по белому, — что раньше первой у рамки, у Рена, везде была она. И, может быть, найдёт способ вернуть это первенство обратно.

Она уходила искать доказательство в записях — и не знала, что как раз к этим записям, к городу первых имён, в этот самый час подходил кто-то ещё.

Элиан вошёл в Равень ночью — и город встретил его именами.

Площадь Первого Имени была вся исписана: по стенам, по плитам, по медным пластинам — списки, кого называли первым. Кто чьё имя произнёс раньше других, кому доверили ключ прежде прочих, к кому побежали первым в беде. Город хранил эти порядки, как иные города хранят подвиги.

Белый ключ в кармане повёл себя странно. Тот его зубец, что в прошлый раз разделился надвое с точным зазором, — теперь одной своей половиной пытался приподняться выше другой. Стать первой. Главной. Элиан машинально прижал ключ к ладони. И заметил: стоило повернуть руку — и уже другая половина оказывалась выше. Которая «первая», зависело от того, как повернёшь. Абсолютной первой не было.

Тильда, читая списки, хмурилась:

— Тут на одну историю по две версии, — сказала она. — «Он первым позвал её». И рядом: «она первой протянула руку». Оба записаны, оба про один случай. А город спорит, какая версия главная, будто главная может быть только одна.

Карманыч вертел в руках старый городской предмет и качал головой:

— Не могу назначить хозяина. Три следа, и ни один не первый. Не выходит сказать, чей.

А Раньше не стал нюхать списки. Он повёл носом и уверенно потянул в сторону — к какому-то Двору Трёх Сходов, прочь от имён, к месту.

И тогда из тени площади заговорил Правитель.

Элиан не сразу его увидел — сперва почувствовал взгляд, и лишь потом голова Правителя повернулась к нему. Взгляд приходил раньше поворота, как здесь приходило раньше всё.

Правитель — серо-винный, выцветше-сливовый, печальный, не злой — смотрел на Элиана и на его ключ.

— Я знаю, что ты ищешь, — сказал он. — Пустое место в тебе. Так давай найдём в нём первое. Не кем ты был — это долго и, может, не узнать. А проще: какое имя пришло к тебе первым. Самое раннее. Самый нижний слой. Оно и есть настоящее — а всё, что легло сверху, принадлежит ему.

— Я не спрашиваю, кем ты был, — повторил Правитель мягко. — Я спрашиваю, какое имя пришло первым. Назови первое — и остальное встанет на места под ним.

И Элиан поймал себя на том, что тянется к этому. Как это было соблазнительно: не разгадывать всю тьму, а найти в ней одно — первое, раннее, коренное — и сказать: вот оно, моё, настоящее, а прочее так,росло сверху. Первое как главное. Первое как хозяин всего остального.

Но что-то не сходилось — то самое, что он видел с ключом. Которая половина «первая», менялось от поворота. И списки на площади двоились. И у предмета Карманыча было три следа без главного. А Правитель предлагал, чтоб первое было главным — раз и навсегда, без поворота.

Правитель, будто услышав его сомнение, спорить не стал. Он перевёл взгляд — в сторону, вниз, туда, где за террасами лежал тёмный школьный двор.

— Впрочем, — сказал он, — не тебе одному сегодня искать первого. Вон там, сегодня, уже называли не ту первую. Одна девочка. И она это так не оставит.

И Элиан, проследив за его взглядом, почувствовал, как ключ снова качнул зубцом — туда, к школьному двору, где кто-то уже начал путать первое с главным.

Глава 4. Правильный порядок

Наутро Тея пришла к архивному столу Р-3 — проверить запись.

Здесь всё регистрировалось: у рамки стояла пластина, на которой отмечался порядок откликов — кто когда первым. Тея приложила ладонь к самой рамке и стала сравнивать: что помнит дерево и медь — и что записано на пластине.

И увидела: они расходятся.

На пластине первым стоял вчерашний отклик Солы — свежий, верхний. А в самой рамке, под ним, глубже всех, лежал старый след — тёплый, давний, много лет натоптанный. Её след. Она держала это плечо годами, и её эхо было в рамке самым глубоким.

Самый глубокий — значит, самый давний. А самый давний, думала Тея, значит, настоящему первый. Значит, пластина врёт: наверху стоит не тот. Наверху должна стоять она.

Она не спросила себя, одно ли это и то же — «самый давний след» и «первый отклик». Глубина сама сложилась в право: раз мой след глубже, я и есть здешняя первая, а запись это исказила.

И тут пальцы её нашли кое-что. Под пластиной было крепление маркера — то, что держало верхнюю отметку на месте. И крепление чуть люфтило. Смещалось. Его можно было подвинуть рукой — тихо, без инструмента, — и верхняя отметка сдвинулась бы, а на её место встала бы нижняя. Её.

Пальцы запомнили форму крепления, точку, куда нажать, — запомнили раньше, чем Тея призналась себе, что думает его сдвинуть.

— Смотреть смотри, а руками не трогай, — сказала Нема, проходя. — Регистрацию правит только Мерет, по проверке. Наблюдать можно. Менять — нельзя.

— Дождись Мерет, — прибавил Рен, и в голосе его было доверие, спокойное, ещё целое. — Не трогай до проверки Мерет. Она разберётся, где чей отклик. Захочешь — вместе ей покажем твой глубокий след.

Он доверял ей. Он даже не думал, что Тея может тронуть сама.

Тея кивнула. Убрала руку. Но точку нажима её пальцы уже знали.

А потом, в пустеющем дворе, у самого уха, тихо и точно, чужой голос назвал то, что творилось у неё внутри:

— Тебя не выдумали. Порядок вправду сбился.

В пустой галерее у двора стоял человек, которого Тея не знала. Серо-винный, выцветший, немолодой, с печальными глазами. Пол под ним чуть понижался в одну сторону — или ей показалось. И взгляд его приходил раньше, чем он поворачивал голову.

Тея приготовилась, что её сейчас начнут стыдить. Взрослые, замечая её ревность, отмахивались: не выдумывай, тебя никто не бросал, что ты как маленькая. Она сжалась, ожидая этого.

Но он сказал другое.

— Твою подругу я не виню, — сказал он. — Эта девочка, Сола, ничего дурного тебе не сделала. И всё же ты не выдумываешь. Связь изменилась — по-настоящему, не в твоей голове. Раньше вас было двое, теперь трое, и место, что было только твоим, теперь делится. Это правда. И тебе больно. Больно настоящей болью, а не капризом.

И Тея вдруг разжала плечи — впервые за два дня. Кто-то наконец сказал ей: ты не сошла с ума, тебе вправду больно, это вправду случилось. То, чего не дали ни мама, ни Рен, ни Нема, дал этот незнакомец: он назвал её боль по имени и не отнял её.

— Рен говорит тебе «ничего не изменилось», — продолжал он. — И это неправда, ты права. Изменение есть. — Он помолчал. — Но запомни и вот что: изменение есть, а виновного это ещё не назначает. Стало иначе — не значит, что кто-то злодей. Ни Сола, ни Рен, ни ты.

Это было верно и мудро, и Тея кивнула, доверяясь.

А потом он сделал поворот — такой тихий, что она не заметила края.

— Вот только, — сказал он, — зачем тебе верить словам Рена, если у тебя есть кое-что вернее слов? Слова говорят «ничего не изменилось» — а сами всё меняют. Слова уклоняются. А порядок — нет. Предмет помнит, кто был первым. Рамка помнит. Тебе не нужно выпрашивать у Рена подтверждения — оно уже записано, в вещах, в порядке. Надо только прочесть его верно. Или вернуть, если сбился.

Он не приказывал. Он не сказал «сдвинь маркер». Он сказал так, будто Тея сама до этого дошла:

— Ты ведь уже нашла, где порядок можно вернуть. Я по рукам твоим вижу — нашла.

И Тея снова сжала пальцы — те самые, что помнили точку нажима.

В рабочей комнате школы Тею ждали чужие — те, что пришли ночью в город. Взрослый по имени Элиан, женщина, что смотрела будто двумя взглядами разом, человек с цепкими руками и пёс. Они прознали про её дар — Очередь Отзвука — и попросили показать.

Тея показала охотно. Ей нужно было, чтоб эти странные люди подтвердили: её дар читает настоящий порядок, а порядок — это правда.

Она считала несколько предметов подряд — кто раньше, кто позже, чья рука ложилась первой. Точно. В порядке она не ошибалась никогда.

— Точно, — согласился Карманых. — Порядок ты слышишь верно. Но вот, гляди. — Он подал ей старый образец. — Тут порядок один, а по регистрации записан другой. Кто первым

тронул — и кто записан первым — разные. Физический след и запись расходятся. Который из них «настоящий»?

Тея растерялась. Дар давал ей порядок касаний, а не порядок записей. Два точных порядка — а ответа одного нет.

— И контексты не сходятся, — сказала Тильда, раскладывая листки. — Вот тут «первым позвал он». А вот тут, про то же, «первой пришла она». Оба правдивы. Твой дар скажет, чей отклик раньше по времени. А кто кого позвал по сердцу — не скажет. Это разные вопросы.

А пёс, Раньше, не пошёл ни к какому владельцу. Он повёл к месту — к точке, где что-то случилось, — не к человеку, а к событию.

— Я слышу, что было раньше, — сказала Тея, и ей самой не понравилось это говорить. — Я не слышу, почему человек это сделал. Порядок — да. Причину — нет.

Она сказала это — и поняла, что теперь знает предел своего дара. Знает точно: он не читает ни любви, ни мотива, ни права, ни хозяина. Только очередь. И, значит, если она потом назовёт очередь любовью — это будет уже не ошибка незнания. Это будет ложь при знании.

А Элиан, тот взрослый, всё возвращался к одному:

— А самый первый след — он чей? Кому принадлежит нижний, самый ранний слой?

Он спрашивал будто не про Тею, про своё что-то. Но спрашивал про хозяина — про то, чей самый первый, кому принадлежит. И, сам того не желая, подталкивал Тею туда же: раз есть первый, у первого есть хозяин, и хозяин владеет всем, что сверху. Женщина с двойным взглядом посмотрела на него укоризненно, и он осёкся.

Карманыч, водя рукой по Р-3, нахмурился:

— Тут не один тип следа. Несколько. Разных, наложенных... — Он не договорил, не успел разобрать. — Дайте время, тут сложное.

Но времени Тея давать не собиралась. Она уже знала точку нажима — и знала, что скоро двор опустеет.

В полдень двор опустел — сам собой, как по заказу.

Рен ушёл за инструментом. Нема отвлеклась на младшего ученика в дальнем углу. Сола задержалась у ворот — её временный допуск не пускал сразу, надо было ждать, пока откроют. И Тея осталась у пластины одна.

Одна, с маркером, который люфтил. С точкой нажима, которую знали пальцы. Со всем, что нужно.

И — она знала это ясно — со временем остановиться. Никто её не гнал. Рен вернётся не скоро, Нема занята, Сола ждёт у ворот. У Теи было сколько угодно времени убрать руку и уйти. Выбор был. Это она видела трезво: не «нет выбора», а есть, и он весь её.

В отражающей пластине сбоку виднелась серо-винная фигура — Правитель, поодаль, молчащий. Он не подталкивал. Он просто был — как напоминание, что порядок можно вернуть.

А из сумки тех чужих, издавека, донёсся слабый звук — колокольчик, тихо-тихо дрогнувший. Белый Укор. Он ещё не звонил — только вздрогнул краем, впервые, будто почувствовал, что Тея подходит к черте. Слабо. Предупреждающе.

Тея услышала. И сделала вид, что не расслышала.

«Только проверить, — сказала она себе. — Я же не меняю. Я только проверю, поддаётся ли. Если рамка примет сдвиг — значит, так и надо было, значит, я просто вернула правильное. А не примет — верну обратно, и всё». Только проверить. Так это называлось у неё внутри —

хотя рука уже лежала на маркере, а большой палец уже нашёл точку нажима, и дыхание стало неглубоким.

Она нажала — легонько, «на пробу».

Маркер поддался. Легче, чем она ждала, — совсем легко, будто только того и ждал.

И рука Теи осталась на нём.

Глава 5. Исправление

Рука Теи лежала на маркере, и остановиться было ещё можно.

Можно было убрать пальцы. Встать. Уйти. Дождаться Мерет, показать ей глубокий след честно, как звал Рен. Ещё целую минуту это было можно.

Тея сдвинула маркер.

Тихо, одним нажимом, к своему старому глубокому следу. Верхняя отметка — вчерашняя, Солина — ушла вниз, а на её место встала нижняя, давняя. Её.

«Если это неправильно, — сказала она себе, — рамка не примет. Я только проверю. Рамка умная, она не даст подделать. Примет — значит, так и надо было».

Она запустила короткий проверочный цикл. И приложила ладонь — послушать.

И услышала. Глубоко в конструкции, живой и настоящий, лежал физический импульс Соля — вчерашний, тот самый, когда Солин канал вправду отозвался первым. Он был там. Он был правдой. Сола вправду пришла первой — рамка это помнила телом, не записью.

Тея это услышала — и не остановилась.

Она повторила через пластину своё имя. Раз. Рамка ей не отозвалась — под её именем всё ещё лежал Солин импульс, старше, глубже свежей записи, и рамка держалась за него.

С первого раза не приняла.

Тея облизнула пересохшие губы. И повторила второй раз — уже совсем сознательно, зная, что делает: не «проверяю, примет ли», а «повторяю, пока не примет». Разница между этими двумя была вся разница на свете, и Тея её чувствовала — и всё равно повторила.

«Я не подделываю, — говорила она себе. — Мой след правда самый давний. Я просто помогаю рамке его вспомнить. Он и есть правильная запись, скрытая. Я её возвращаю». Старый след — скрытая правда, повтор — только напоминание. Так это складывалось у неё, и почти верилось.

На второй повтор рамка ответила её именем. Сразу. Без обычной паузы — той короткой заминки, с какой отзывается живое. Слишком гладко, слишком чисто, без задержки. Так отвечает не то, что вспомнило, а то, что заставили.

Тея вернула защитную крышку на место. Готово.

А из чужой сумки, далеко, слабо звякнул колокольчик — тише прежнего и всё же звякнул. Укор. Тея не обернулась.

Вернулся Рен — с инструментом, ничего не знающий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.